

Вахтин Н.Б.

Социальные аспекты исследования языка

В рамках этой совершенно необозримой, как вы понимаете, темы мне хотелось бы сегодня рассказать о современной социолингвистике, сравнительно новой науке, которая сегодня бурно развивается во всем мире и к которой чем дальше, тем больше проявляют интерес и в России. В этой лекции я коротко расскажу о предмете социолингвистики, истории ее возникновения, основных ее направлениях и темах, которыми эта наука занимается. По необходимости это изложение будет очень конспективным, и начну я с предмета социолингвистики.

Еще в 1929 году один из основателей современной лингвистики Эдуард Сепир писал: «Остается лишь надеяться, что лингвистика осознает важность своего предмета изучения для общего развития наших знаний о мире и не останется в стороне, прикрывшись традицией, которая рискует стать схоластической, если ее не оживить обращением к областям, лежащим за пределами формального изучения собственно языка». Вот этот призыв осознать важность обращения к знаниям, лежащим за пределами собственно языка – это и есть тот корень, из которого родилась примерно в середине 50-х годов наука, которая известна сейчас под именем социолингвистики или, как ее еще называют, социологии языка. Эта наука занимается проблематикой, лежащей на стыке лингвистики и обществоведения, между языком и обществом.

Давайте рассмотрим эти два понятия: язык и общество. Как нетрудно понять, существует пять логических возможностей ответа на вопрос о том, как соотносятся между собой язык и общественная структура. Можно постулировать, что эти области вовсе не связаны. Можно сказать, что эти области каким-то образом взаимно определяют друг друга. Можно поставить одну из них во главу угла, и сказать, что общество определяет и общественные структуры, и определяет язык. Либо, наоборот, языковые структуры определяют общество. Ну и, наконец, пятая возможность, последняя, обе эти области определяются, или детерминируются, какой-то третьей, внешней по отношению к ним силой.

Как часто бывает в науке, существуют четыре вполне серьезных группы теорий, каждая из которых разрабатывает одну из этих возможностей. Лишь одна из них осталась невостребованной. Никому не приходит в голову утверждать, что язык и общество никак не связаны. Я очень коротко опишу эти четыре группы теорий.

Первая – это идея, в соответствии с которой языковые структуры определяют структуры общественные. Здесь можно вспомнить известную гипотезу Сепира –Ворфа, в соответствии с которой сознание человека определяется тем языком, на котором этот человек говорит с детства, а общественные отношения, в свою очередь, определяются этим общественным сознанием. Таким образом, человек ведет себя в обществе так, как устроен его язык. Гипотеза довольно смелая, любопытная. Довольно много интересных работ находится в русле этой гипотезы. Здесь же можно вспомнить позицию французского социолога, философа, лингвиста Ролена Барта, который писал, например: «язык – диктатор, потому что диктует, что говорить, или: говорить – значит

подчиняться». В теории Барта также языковые структуры, речь, определяют поведение человека. Эти и другие теории, лежащие в данной группе, признают, таким образом, первичность, тономность языка.

Второй вариант – социальная структура определяет язык. Эта позиция знакома нам по работам марксистским. Но не только марксистским. Чаще всего ее используют, когда занимаются историческими исследованиями лексики. Общественные и технические открытия определяют появление новых слов, изменения, значения новых слов, а следовательно, делают вывод лингвисты, язык подвержен изменениям под влиянием общества. Примером крайне радикального подхода такого типа может служить теория Марра. Николай Яковлевич Марр писал в 30-х годах: «Язык и стадии его развития полностью определяются общественной экономической формацией». Сюда же можно отнести подход, сформулированный в книге Волошинова, о которой я буду говорить ниже, и так далее.

Третья группа теорий признает существование взаимозависимости между языковыми и социальными факторами. Языковые и социальные факторы воздействуют друг на друга и взаимно друг друга определяют. Здесь можно выделить две разные позиции: позитивистскую, которая удовлетворяется констатацией этой взаимозависимости, но отказывается говорить о причинности, отказывается говорить о том, что определяет в причинном смысле, ну и то, что мы привыкли называть диалектическим подходом, который предполагает наличие взаимной причинной связи.

Ну и, наконец, четвертый вариант решения этого вопроса – это мысль о том, что и языковые, и общественные структуры определяются более глубокими факторами. Эти глубокие факторы могут быть разные. Для Делла Хаймса, например, таким глубоким фактором является культура. По его мысли, культура определяет как языковые, так и общественные явления. Для философа Грэймаса это набор некоторых абстрактных структур сознания. Для Наума Хомского и Дерека Бикертонна, по крайней мере в области языка, это биологические врожденные модели, с которыми каждый человек рождается. Эти не зависящие ни от языка, ни от общества факторы, по мысли этих ученых, определяют как общество, так и язык. Как вы понимаете, на уровне наших современных знаний эти точки зрения не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты.

Это гипотезы, предположения. Здесь мы вторгаемся в область философии, и я почтительно умолкаю. Социолингвистика сформировалась в пределах материнской науки лингвистики, но через взаимодействие со смежными областями. Формы этого взаимодействия были различными в разных странах. Так, например, в Соединенных Штатах и Англии социолингвистика сложилась как результат взаимопроникновения лингвистики, социальной психологии и культурной антропологии. В Европе, в частности, во Франции – как результат взаимодействия лингвистики, социологии и философии. Поэтому в каждой стране социолингвистики немножко разные.

Исследователи, занимавшиеся вопросами языка, в какой-то момент столкнулись с факторами, которые все хуже и хуже поддавались объяснению через существующие теории языка. Социолингвистика существует примерно с того момента, когда ученые, работавшие в области наук об обществе, прежде всего лингвисты, столкнулись с непримиримым противоречием между постулатами лингвистики и реальностью. Один из постулатов современной лингвистики: структурно все языки, и все говорящие в равной степени владеют языком. Из этого следует, в частности, что не существует мало развитых, слабо развитых и плохо развитых языков – все языки структурно равны. Тем

не менее, в реальности мы знаем, что языки не равны ни по статусу, ни по функции, и говорящие на них не равны: кто-то говорит лучше, кто-то говорит хуже, кто-то говорит на нескольких языках, кто-то и одного толком не знает. Вот столкновение этих двух противоречащих друг другу постулатов, казалось бы полярных постулатов, и породило социалингвистику.

Ну и вторая причина, откуда взялась социалингвистика в мире, она выросла как ответ на общественную потребность, то, что называется социальный заказ. В послевоенные годы (после Второй мировой войны) начался бурный процесс деколонизации, стали возникать многочисленные новые государства, перед которыми немедленно встал вопрос о том, какой язык сделать государственным, как примирить различные этнические или племенные языки друг с другом, как проводить создание письменного языка, как стандартизовывать этот язык. То есть перед ними встали прикладные социалингвистические вопросы.

Одно из определений предмета социалингвистики следующее: социалингвистик – это изучение языка и его отношение к обществу, социология языка, в свою очередь, это изучение общества, его отношения к языку. Из этого определения видно, что если у социалингвистики задачей является пролить свет на некоторые факты, глядя на общество, то у социологии языка задача обратная – узнать нечто новое об обществе, воспользовавшись языковыми данными. Разница здесь, как вы понимаете, скорее в акцентах, чем в предмете изучения.

Поначалу вновь возникшая наука вызвала всплеск наивного энтузиазма, казалась чуть ли не универсальным ключом, привлекательным методом решения всех возникающих проблем. В середине 70-х годов социалингвистику на Западе называли «расширяющаяся вселенная», она бурно развивалась, между 1970 и 1980 годами.

Например, произошел столь стремительный рост публикаций, что уже к 1980 году ни один ученый не имел возможности обозреть все публикации. Однако довольно быстро выяснилось, как и следовало ожидать, что никакой социалингвистика не универсальный ключ, а просто еще одна область приложения интеллектуальных сил, способная давать как интересные теоретические результаты, так и очень полезные на практике.

В пределах социалингвистики и социологии языка обычно выделяют два больших уровня: то, что носит название «микросоциалингвистика», и «макросоциалингвистика». Под микросоциалингвистикой обычно понимают исследование таких проблем, как, например, пути достижения требуемого результата в речевом взаимодействии. То есть какими средствами в разных культурах привлекается и удерживается внимание слушающего, как в данной культуре принято начинать и заканчивать разговор, какие существуют речевые, а также другие, жестовые, например, средства, которые используются для этого. Если задуматься на эту тему, то видно, что в разных культурах способы привлечения внимания, способы входа в диалог и выхода из диалога, способы поддержания внимания собеседника оказываются разными. Другой вопрос, которым часто задаются ученые, занимающиеся проблемами микросоциалингвистики, это каким образом приобретаются и как изменяются коммуникативные навыки людей, откуда дети, затем подростки умеют эффективно порождать и воспринимать сигналы в процессе коммуникации (то, что мы называем на бытовом языке «читать собеседника»), откуда и каким образом дети приобретают знания правил подобающей коммуникации, откуда они узнают что такое «вежливо» и

что такое «грубо», что такое «полезно», «эффективно» для коммуникации, и какой именно вид коммуникации ведет к коммуникативной неудаче и так далее. Еще одной темой микросоциолингвистики является обширная область, которая носит название «отношение к языку». Из нашего жизненного опыта мы знаем, что люди могут любить свой язык или, наоборот, стесняться (я имею в виду свой родной язык). Могут считать свой родной язык или свой родной диалект выше или ниже по статусу, чем какой-либо иной. Люди оценивают своих собеседников именно по тому, как те говорят и ставят их интуитивно на вполне определенную полочку. Выявить, объяснить, доказать эту интуицию и есть задача конкретной работы.

Ну и, наконец, еще один пример тематики работы микросоциолингвистики – это правила, определяющие выбор языковых вариантов. Можно привести простой пример, как правильно выбрать форму среди разнообразных русских форм обращения. Ну, например, кого-то зовут Иван Андреевич Кузнецов, он врач, ему сорок лет, у него есть дети, жена. К нему могут обратиться: «Ваня, ты», «Ванька, ты», «Ваня, Вы», «Иван, ты», «Иван, Вы», «Иван Андреевич, Вы», «Иван Андреевич, ты», «Кузнецов, ты», «Кузнецов, Вы», «доктор Кузнецов, Вы» и так далее (количество вариантов очень велико). Каждое из этих обращений возможно и правильно только в определенной ситуации. По тому, как обращаются к человеку, можно многое сказать об отношениях между говорящим и слушающим, о социальной ситуации, в которую оба поставлены.

Для носителя русского языка каждое из этих обращений нагружено трудно поддающимся формализации смыслом. Мы интуитивно понимаем разницу между отношениями двух людей, один из которых обращается к другому «Иван, Вы», и другой пары, один из которых обращается к тому же человеку «Иван Андреевич, ты». Интуитивно мы довольно много можем сказать и о статусе говорящего и об его отношениях со слушающим, может быть о том впечатлении, которое он хочет произвести на слушающего, и так далее.

Под макросоциолингвистикой обычно понимаются такие темы, как, например, языковые обследования (в том числе изучение языковых ситуаций в группах, в регионах, в странах) изучение соотношения языков в двуязычных коллективах.

Другая тема – языковые контакты – изучение последствий, которые имеют для языков, а также для говорящих на них людей и групп людей столкновения с другим языком и иногда с другой культурой. Как группа справляется с многоязычной ситуацией, как группа справляется с давлением более крупного языка, как находит свое место и как меняется сам язык более слабый при таком языковом контакте, языковом столкновении. Сюда же относится тема «языковые конфликты и их разрешение». Эта тематика относится к области «язык и государство», «языковое планирование».

Все знают, что языковые конфликты бывают естественные, бывают искусственно вызванные. Очень часто под языковым конфликтом маскируется конфликт совсем другого рода, и очень часто политические силы заинтересованы в том, чтобы выдать некий социальный, экономический или иной конфликт за конфликт языковой. Всеми темами, входящими в эту область, также занимается макросоциолингвистика.

Таковы основные внешние параметры макросоциолингвистики, примерно таким образом она вписана в контекст гуманитарных наук, примерно такова структура ее изучения и границы ее области интереса.

Я скажу теперь несколько слов об истории возникновения социолингвистики в России и за рубежом. Насколько мне известно, полный курс социолингвистики никогда и нигде в Советском Союзе не читался. Согласитесь, что для страны, которая почти весь XX век исповедовала или, точнее, проповедовала марксизм, это странно. Одно из центральных положений марксизма – это примат экономических законов над социальными, над тем, что Маркс называл надстройкой. Казалось бы это означает, что любой ученый, работавший в СССР в рамках социальной идеологии, должен был изучать прежде всего именно общественную обусловленность языковых явлений, языковых изменений, и глубже – экономическую обусловленность социальных изменений, которые, в свою очередь, вызывают изменения в языке. Тем не менее, эта область в России оказалась развита очень слабо, и, как я уже сказал, практически не преподавалась в высших учебных заведениях. Почему? Почему интереснейшая область знаний практически оставалась за пределами внимания учебных заведений и за пределами внимания ученых в течение многих десятилетий? Попробуем ответить на этот вопрос.

В 1910 – 1920 годы в России в лингвистике началось заметное оживление интереса к социальным аспектам изучения языка, публиковались блестящие работы, многие из которых в каком-то смысле опередили свое время, формировалось целое новое направление – изучение социальной стороны языка. Как и во многих других областях, российская наука этого времени опережала науку западную (аналогичная ситуация была в генетике, в кибернетике; сюда же можно добавить социолингвистику). Я очень коротко перечислю имена и некоторые идеи, взятые из работ российских ученых 10 – 20-х годов. Цель моя простая – я хочу показать, что в начале XX столетия в России в социолингвистике наблюдалось бурное развитие. В областисоциолингвистики были представлены как теоретические работы, так и работы по прикладным аспектам науки, дескриптивные исследования, популярные обзоры и иные жанры социолингвистических изданий.

Первое имя – Сергей Иосифович Карцевский. Формально основной его работой социолингвистического плана является брошюра «Язык, война и революция» 1923 года, в которой автор анализирует прежде всего словарные изменения, произошедшие в русском языке с 1914 по 1920 год. Однако значительное число социолингвистических положений разбросаны и по другим его работам, зачастую далеким от социолингвистики по своей основной теме.

По страницам его книг и статей разбросаны тонкие и точные замечания об эмоциональной составляющей речи, о метафорах, как средстве воздействия натсобеседника, о стирании в советском языке социальных различий между говорящими, о речевых установках говорящих, о речевых стилях и так далее, и тому подобное.

Второе имя – Розалия Осиповна Шор, в 1926 году выпустившая книгу «Язык и общество». Книга излагает в популярной форме новое для этого времени достижение науки в области социологии языка. Эта книга, повторяю, популярная, написанная для неспециалистов, и интересна сегодня не столько тем, о чем там сказано, поскольку с тех пор на эту тему написано и больше, и лучше, и подробнее, сколько тем, что эта книга является индикатором общего направления лингвистических исследований в 20-е годы, характеристикой умонастроений лингвистов, не мысливших в те годы иной лингвистики кроме социальной.

Еще одно имя – Афанасий Матвеевич Селищев, написавший знаменитую книгу, не потерявшую значение и до сих пор, книга 1928 года «Язык революционной эпохи». Сама постановка этого вопроса – язык эпохи, язык на фоне революции – свидетельствует о том, что автор вполне осознает связь общественных и языковых процессов. Книга чисто описательная, это фактически тематический словарь с комментариями, автор приводит новые слова, новые значения старых слов, и возникшие в 1917 – 1926 годах средства выражения, распределяет эти единицы по семантическим группам и комментирует.

Книга эта оказала на современников очень

серьезное влияние, и до сих пор, повторяю, влияние ее не ослабевает.

Следующее имя – Валентин Николаевич Волошинов – автор нашумевшей книги 1929 года «Марксизм и философия языка». Книга содержит многие идеи, которые будут позднее вновь изобретены и развиты в социалингвистике. Направленность этой книги философская, это скорее общая теория социалингвистики, чем конкретная работа. Надо сказать, что в этой книге развиваются многие идеи Михаила Михайловича Пахтина, учителя Волошинова, который многие проблемы, связанные с языком и обществом, обсуждал со своим учеником. Существуют даже предположения, что Волошинов является соавтором этой книги, однако доказательств этому прямых нет.

Еще одно, последнее, имя – Евгений Дмитриевич Поливанов – крупнейший лингвист, очень крупная яркая фигура, поразительно эрудированный человек, опубликовавший полторы сотни работ, и несколько десятков его работ так и остались не напечатанными. В социалингвистике Поливанов известен, прежде всего, как ученый практик, применявший свои обширные знания в области языковой политики. Он создатель стандартного алфавита якутского языка, узбекского, азербайджанского, он очень многое делал для языкового строительства китайского языка и многих других языков, которые он знал. Но есть у него замечательные, очень интересные работы чисто научные. Например, статья «Фонетика интеллигентского языка» 1931 года, или статья «О фонетических признаках социально-групповых диалектов» 31-го же года, или статья того же года, одна из первых статей, изучающих блатной жаргон русского языка, статья называется «Стук по блату».

Я перечислил несколько имен и названий основных работ, определивших направление развития социалингвистики в России в начале XX века. Эта относительно благополучная для науки эпоха, впрочем, довольно быстро закончилась. Дело в том, что тоталитарное общество устроено таким образом, что все его элементы, институты и подсистемы стремятся устроиться по модели государства как в целом. Для науки это означает, что постепенно одна философия, одна идеология, один исследовательский метод, одна научная школа начинают вытеснять всех своих конкурентов. Для отдельной области науки это означает, что постепенно из богатого набора школ и направлений выделяется одно, единственно верное, учение, школа или научная теория – в каждой научной области своя. Постепенно, особенно после 26-го года, такой теорией языкознания стала так называемая «новое учение о языке» Марра. Первоначально Марр, исключительно талантливый лингвист, знавший довольно много кавказских языков, занимался кавказоведением, но он был человеком увлекающимся, вскоре выдвинул ряд гипотез о языковом родстве, которые

недостаточно были подкреплены языковыми данными. Когда его гипотезы пришли в противоречие с материалом, он попытался ликвидировать это противоречие простейшим способом, объявив все предшествующее языкознание устаревшим, буржуазным и несовместимым с марксизмом. В середине 20-х годов он сформулировал свое учение, в котором стремился вскрыть единые для всех языков этапы развития, связанные с этапами развития общества. Любые иные идеи Марр объявлял идеализмом, формализмом, обвинял их авторов в антисоциальном подходе и даже в расизме. Это касалось и тех работ, которые впрямую и всерьез были связаны с проблемой соотношения языка и общества, но не принимали экстремизма Марровского подхода. Это самое новое учение о языке было к концу 20-х годов объявлено единственно верным марксистской теорией. Тоталитаризм вообще мыслит простыми категориями, единственными именами. Поэт – Пушкин, физиолог – Павлов, композитор – Чайковский, химик – Менделеев, точно также, лингвист – Марр. Это состояние в науке длилось более 20 лет, когда бессмысленность и неплодотворность учения Марра стала ясна даже властям. Как справедливо пишет по этому поводу в своей замечательной книге Владимир Михайлович Алпатов: «Эти годы были очень неблагоприятны для развития социолингвистики. Если чисто лингвистические описания языков народов СССР публиковались в немалом количестве, среди них многие отличались высоким качеством, то сколько-нибудь объективно писать об общественном функционировании языков СССР было невозможно. Научные исследования заменялись общими декларациями о расцвете языков под сталинским солнцем».

После знаменитой дискуссии о языке 1950 года вновь стало можно заниматься традиционными проблемами языкознания, и оставшиеся в живых, изголодавшиеся по работе лингвисты набросились на эти проблемы. Та проблематика, которая ассоциировалась с именем Марра, лингвистическая типология, проблема соотношения языка и мышления и проблема социального функционирования языка, то, что нас интересует здесь более всего, оказалась отодвинутой на задний план, и не потому даже,

что этим запрещали заниматься, хотя это тоже отчасти было, просто все связанное с общественной проблематикой изучения языка отвергалось молодым поколением ученых в конце 50-х – начале 60-х годов.

В это время развитие серьезной лингвистической науки в нашей стране пошло в сторону структурного изучения языка, прежде всего фонологии и грамматики, морфологии и синтаксиса, несколько позднее – типологии. На этом пути были достигнуты интересные результаты, однако социальная сторона проблемы осталась как-то за пределами внимания. Даже в то время, когда я учился в университете (до середины 1960-х годов), считалось попросту неприличным ставить и обсуждать подобные вопросы. Как-то подразумевалось, что все, связанное с обществом, вообще не наука. Дело было, видимо, просто в том, что всех нас, начиная с первого класса школы, сильно перекормили общественной проблематикой. Я не помню, чтобы такой выбор вообще стоял, чтобы кто-то говорил, мол, реальные исследования проводить не позволят, а заниматься околomarксистскими рассуждениями не хочется. Нет, этот вопрос просто не обсуждался. Конечно, были люди, которые занимались этой проблематикой, но результаты их работ либо оставались почти неизвестными, либо, чаще, сводились к аккуратному переписыванию западных работ с добавлением от себя в больших дозах марксистско-ленинских фразеологий. Иными словами, оказалось, что в

стране победившего марксизма реальное изучение отражения конкретных общественных процессов в языке решительно не одобряется. Вместо этого власть потребовала от ученых того, что можно было бы назвать соцреализмом в науке, то есть изучение не того общества, которое есть, а того, которое должно быть в соответствии с теорией. Произошло более ли менее то же самое, что и с социологией.

Совершенно иначе пошло развитие лингвистики в это же время в Соединенных Штатах. 50-е годы там, как и в России, ознаменовались ростом интереса лингвистов к формальным задачам. Это было не в последнюю очередь появлением в те годы первых электронно-вычислительных машин. Естественно, лингвисты немедленно бросились к ним со своим материалом и быстро обнаружили, что ничего не получается. Поначалу казалось, что дело в объеме памяти, в быстродействии, но шли годы, параметры эти росли, а дело двигалось очень плохо. Тогда лингвисты заподозрили, что дело в степени формальности описания: машины не понимают естественного языка. С выходом в свет книги Наума Хомского «Синтаксические структуры» в 1957 году началась так называемая хомскианская революция в лингвистике, которая все более и более начинала походить на точную науку. Однако, поскольку объект изучения лингвистики фантастически сложен, для создания формальных описаний правил языка лингвистам пришлось пойти на некоторые жертвы: они договорились иметь дело лишь с идеальным говорящим и слушающим, они игнорировали все функции языка кроме коммуникативной, и они, наконец, ограничились анализом только предложения.

Естественно, что такое ограничение объекта исследований не могло удовлетворить ученых. И поскольку в Соединенных Штатах и других западных странах не было той пресыщенности молодых ученых обществоведческой фразеологией, о которой я говорил выше, а, напротив, марксизм и вообще внимание к общественным процессам в частности были очень в моде.

Параллельно с этим структурно-формальным направлением лингвистики и почти одновременно с ним там начало бурно развиваться и противоположное направление. Разные источники дают разные даты дня рождения социолингвистики. По одним данным термин социолингвистики был впервые употреблен в 1952 году, по другим – все началось с книги группы ученых Камперце, Брайте, Фергисона, вышедшей в 1960 году и посвященной языковой неоднородности в Южной Азии. Когда бы ни праздновать дату рождения социолингвистики, следует сказать, что сущность западной и, прежде всего американской, социолингвистики не в том, что в ней были открыты какие-то новые идеи или изобретены новаторские подходы (все или большая часть идей в современной социолингвистике, в общем-то, известны давно, почему-то эти знания никак не проявлялись, давно знали, например, что общественный угол зрения на язык может пролить свет на многие языковые проблемы и, наоборот, что изучение языка может многое рассказать об обществе), то новое, что возникло в 1960-е годы – это масштаб, широта распространения этих идей.

Однако есть и еще одно обстоятельство, которое отличает именно американскую социолингвистику от всех других. Как в любой науке, в социолингвистике различается эмпирический и теоретический подход. Теоретический, или кабинетный, подход может быть очень продуктивен, при этом не важно базируется ли он на собранных фактах, или на анализе собственного языкового опыта, на саморефлексии. Однако кабинетный подход, если он базируется только на личном опыте, таит в себе некоторые опасности. Во-первых, мы можем просто ошибаться в анализе собственных ощущений. Существует в

социальных науках знаменитый парадокс наблюдателя, который формулируется, как «мы наблюдаем за тем, как люди говорят, когда за ними не наблюдают» или, если будет угодно, «мы должны присутствовать при событии, чтобы изучать его ход, однако мы хотим его изучать так, как если бы мы там не присутствовали». Так вот, этот парадокс при самоизучении лингвиста достигает максимальной силы. Не только субъект изучения совпадает с объектом изучения, но еще инструмент изучения совпадает с объектом и субъектом. Мы вынуждены при

помощи языка изучать свой собственный язык. Естественно, что на этом пути ошибки и неточности в самоанализе весьма и весьма вероятны.

Во-вторых, личный опыт исследователя почти всегда ограничен одной культурной и языковой традицией и не дает возможности делать обобщение относительно других обществ, где ситуация может быть совершенно иной. Американская социолингвистика так бурно развивалась в последнюю четверть века не благодаря кабинетным рассуждениям, а благодаря эмпирическим, экспериментальным, открытиям, сделанным на базе полевого материала. Важность и вес эмпирических знаний в американской социолингвистике очень велики. Добавлю, эта область по причинам, о которых я уже говорил, пока еще очень слабо разработана в

России. Мы сами о себе мало что знаем в этом отношении, и единственное, пожалуй, исключение в советский период – это вышедшая в 1974 году, чудом проскочившая цензуру книга под названием «Русский язык по данным массового обследования».

Пожалуй, это одна из очень немногих опубликованных в советское время серьезных книг, в которой много полевого эмпирического материала. Несколько сборников аналогичного типа, несколько статей аналогичного типа вышли в 90-е годы, однако систематического изучения этой проблематики в России совершенно нет.

Ну и, наконец, третья часть моей лекции. Я приведу три примера из необозримого многообразия социолингвистических областей изучения, в которых российским ученым, и прежде всего молодым ученым, предстоит догонять своих западных коллег.

О каждой из них я скажу очень коротко, просто намечу основные вехи. Первая область – это изучение социальных диалектов. В любом языке существуют специальные средства, которые характеризуют социальные признаки говорящего, слушающего, а также признаки отношений между ними. Речь собеседника способна очень многое сказать слушающему о том, кто перед ним; как говорят англичане: «открыть рот обозначает разоблачить себя», произнести перед незнакомцем фразу, значит рассказать ему очень многое о своем происхождении, уровне образования, социальном и экономическом статусе, отношении к собеседникам, психологическим характеристикам и так далее. Мы все умеем, когда мы говорим на родном языке, мгновенно и совершенно неосознанно помещать собеседника на ту или иную социальную полочку буквально по первым же его словам. Мы сразу видим из города этот человек или из деревни, получил он хорошее образование или не очень, имеет он определенные психологические склонности к контакту или нет. Мы даже можем примерно предсказать область занятия этого человека, кто он: бизнесмен, студент, инженер, политик – просто по тому, как этот человек разговаривает. Да и больше того, нравится нам этот человек или не нравится, мы тоже обычно понимаем не столько с первого взгляда, сколько с первого слова. Как мы это делаем, вот вопрос, который предстоит исследовать на материале русского языка. В этой области многое сделано англоязычной наукой, американскими и британскими социолингвистами, мы же

о себе здесь пока знаем очень мало. А вопрос этот имеет не только теоретическое, но и весьма актуальное для нас практическое значение. Это станет совершенно очевидным, если вспомнить, например, о пресловутом кавказском акценте и восприятии этого акцента носителями в современном российском городе. Изучение этой проблематики, и, главное, доведение результатов этих исследований через вуз и школу до широких слоев населения может помочь снизить напряженность в обществе, способствовать поддержанию этнического и социального мира в современной России. Вторая область – это то, что принято называть «мужское и женское в языке», или «гендерной лингвистикой». Известно, что стили мужской и женской речи различаются. В данном случае под стилем я понимаю комплекс лингвистических черт: фонетических, ритмических, интонационных, морфологических, синтаксических, лексических и так далее, которые ассоциируются с мужским или женским речевым поведением. Женщины могут говорить быстрее или медленнее, больше или меньше, образнее или проще, чем мужчины. Женщины могут глотать окончания, а мужчины – нет или наоборот. Женщины могут говорить с особой интонацией или, наоборот, мужчины могут иметь определенные интонационные признаки речи. Изучение этих различий любопытно, но в этой области есть и более любопытные предметы для исследования. Важно здесь даже не то, что такие различия в мужском и женском стилях существуют в конкретном языке на самом деле, важно другое, что в данном языке и, следовательно, в данном обществе существует убеждение, что женщины и мужчины говорят по-разному, при этом эти различия – вещь совершенно необязательная, не категорически предписанная к исполнению. Просто, если вы будете спрашивать об особенностях мужской и женской речи у члена данного общества, этот человек скажет вам, что у них принято, что женщины говорят так, а мужчины – эдак.

Ну, например, носитель русского языка скорее всего скажет, что женщины говорят больше и быстрее мужчин, но это не обязательно окажется так. Если исследовать и подсчитать, то может выясниться, что статистика этого не подтверждает. Для сравнения, аналогичные исследования на американском варианте английского языка показали, что все: и мужчины, и женщины – в один голос утверждают, что женщины говорят больше мужчин, однако реальные исследования дают прямо обратный результат: по количеству мужчины говорят больше. Американцы знают это о себе. Мы это о себе пока не знаем.

Объяснение различий речевого поведения мужчин и женщин заключается, по мнению исследователей, пишущих об этом, в том, что мужчины, пользуясь властью в обществе, пользуются властью и в беседе. Корни этих различий лежат в различиях воспитания, базовых ориентирах поведения мальчиков и девочек. Общаясь между собой, девочки учатся поддерживать отношения близости и равенства, мальчики же учатся занимать доминирующую позицию, привлекать, поддерживать внимание аудитории, заявлять о себе и всячески самоутверждаться. Женщины избегают открытого соперничества в диалоге на уровне речи, ждут знаков одобрения и поддержки в виде кивков, междометий, сами проявляют знаки интереса и внимания.

Вот еще один пример различий мужской и женской речи. Существует несомненная устойчивая тенденция к тому, что женщины выбирают более престижный вариант произношения и реже пользуются сниженной лексикой.

Одно из объяснений этому заключается в том, что мужчины часто хотят выглядеть, так сказать, круто, или, выражаясь научным языком, маскулинно. Они скорее уклоняются в

следовании культурным поведенческим речевым нормам в сторону менее образованной части населения, сознательно снижают свою речь, за счет этого в их речи чаще встречаются и черты менее

престижного произношения, и сниженная, иногда бранная, лексика. Женщины, в свою очередь, неосознанно стараются подчеркнуть свою женственность, то есть непринадлежность к более низким классам, и они стараются выбрать, наоборот, более престижный вариант произношения и минимально использовать бранную, сниженную лексику. Опять таки, такого рода исследования тщательно проведены и в Соединенных Штатах, и в Канаде, и в Англии; исследований такого рода на российском материале крайне мало.

Третья, и последняя, тема, которой я хочу закончить сегодня, это так называемая этнография коммуникаций. Эта область занимается нормами, регулирующими правила употребления речи: громкость речи, тембр, очередность реплик в диалоге, дистанция между говорящими, паузы между высказываниями и так далее. Эти характеристики речи изучаются в разных культурах и у разных народов. Ну вот, например, существуют нормы, которые регулируют простое количество речи от очень большого в одних культурах до очень маленького в других. Вот пример общества, в котором нормой является крайне малое количество речи. Речь идет о

племени пулеа в Южной Индии, это из работы Делла Хаймса: «Здесь нет сельского хозяйства и нет промышленности. Дети воспитываются в некотором промежуточном состоянии, ни особенной зависимости друг от друга, ни особенно жесткой конкуренции друг с другом им не предстоит в жизни. Их просто учат заниматься более или менее своим делом на разумном пространственном удалении друг от друга – не слишком близко, но и не слишком далеко. К моменту, когда мужчина этого племени достигает сорока лет, он практически перестает говорить совсем, у него нет причин говорить». Обратный пример находим на одном из островов Индонезии у племени ротин: «Для ротинийца радость жизни заключена в разговоре, не просто в пустой болтовне как времяпрепровождении, но в оформленном диалоге. Это бесконечный диспут двух оппонентов, бесконечный спор, словесная дуэль, соперничество в хорошо продуманном красноречии по разным церемониальным поводам. Недостаточное количество разговора – показатель печали и плохого настроения. Ротинийцы постоянно повторяют, что если их сердца смущены или удручены, они хранят молчание. Напротив, общение с кем-то предполагает активное вербальное взаимодействие». Представьте себе теперь разговор или общение между представителем племени пулеа и ротинийцем. Им будет довольно сложно договориться друг с другом, даже если у них появится один общий язык, просто по той причине, что этнографические правила коммуникации этих двух народов кардинальным образом различаются. Другой тип норм регулируют одновременность или последовательность говорения. Вот как, например, описывает Карл Райзман правила речевого поведения в деревне Антигуа, Вест-Индия: «Разговор в Антигуа кажется

попросту анархическим, нет никаких формальных правил, запрещающих двум или более голосам звучать одновременно. Вступление нового голоса в разговор само по себе ни в коей мере не является сигналом для других голосов умолкнуть, оно не является и сигналом того, что пора запускать процесс решения, кому будет предоставлена площадка. Когда кто-либо присоединяется к случайной группе говорящих, например, никаких вводных сигналов не требуется. Нет ни паузы, ни иных знаков того, что он

включен в разговор. Кажется, что никто не обращает внимания на появление еще одного собеседника. Когда новый собеседник чувствует, что он готов, он просто начинает говорить. Другие могут его услышать, но могут и не услышать. Голоса могут еще через какое-то время умолкнуть, но могут и не умолкнуть. Глаза других могут обратиться на него, но могут и не обратиться. Если он не услышан с первого раза, он может попытаться еще раз и еще раз, часто повторяя одно и то же замечание. В конце концов он либо будет услышан, либо оставит эти попытки».

Точно также большинство из нас согласится, что должен существовать какой-то предел числа прерываний, допустимых в разговоре. Вот в деревне Антигуа, по материалам того же Карла Райзмана, это не так. Вот, что он пишет: «В коротком, примерно трехминутном, разговоре со мной девушка успела окликнуть кого-то на улице, сделала замечание маленькому мальчику,

немножко попела, велела ребенку идти в школу, еще немножко попела, велела другому ребенку пойти купить хлеба и так далее, и все это время поддерживая разговор со мной о своей сестре». Впрочем, за данными по этнографии коммуникации не приходится ездить далеко. Как сказал мне один мой знакомый иностранец: «Странный вы народ, русские. У нас, когда разговаривают, то один

говорит, а другие слушают, соглашаются, не соглашаются, возражают. А у вас – один говорит, а другие ждут своей очереди». Когда встречаются люди, принадлежащие к разным культурам, с разными нормами речевого поведения неизбежны недоразумения.

Вот один американский этнограф описывает, как он гостил у родственников жены в Дании, и к нему приехал американский

знакомый. Несмотря на многочисленные предупреждения, этот американец упорно разговаривал с хозяевами с американской интенсивностью. А многие из вас, наверное, замечали, что американцы считают невежливым молчать в обществе малознакомых людей. Поэтому, попадая в дом, они говорят практически без умолку, часто вызывая раздражение гостеприимных хозяев.

Вернемся к этой датской семье. Американец упорно разговаривал с хозяевами с американской интенсивностью, пока измученные хозяева не бежали от гостей якобы спать в девять часов вечера, они просто не могли это больше выдержать.

Вот таковы примеры точек приложения социолингвистических знаний, предметы областей, которыми занимается социолингвистика. И я в заключение хочу еще раз сказать, было бы очень жаль не заняться всем этим на русском материале. Перед нами огромное непаханное, или практически непаханное, поле, которое сулит богатый урожай, как в теоретическом, так и в сугубо прикладном плане. Я очень рассчитываю, что российские вузы смогут в короткий срок преодолеть отставание в изучении социальных аспектов языка, и вывести, наконец, российскую науку на то место, которого она заслуживает, учитывая уровень социолингвистики у нас в начале XX столетия.